

Он поднял взгляд на Ци Жуйцю, и в его глазах читалась обида:

— Я хочу сказать им, что ты — мой! Не позволю им больше выпускать мерч с тобой и тем левым мужиком!

Он был в ярости. У него самого с любимой женой не было никакого мерча, а этот пришлый что о себе возомнил?

— Хорошо-хорошо, всё будет так, как ты хочешь, — Ци Жуйцю взял Сюэ Шо за руку.

Сюэ Шо лишь тогда немного повеселел. Он наклонился и прижал маленького белого кролика к кровати:

— Отлично. А теперь давай начнем нашу ночную жизнь.

Спустя несколько дней Ци Жуйцю публично заявил о своей сексуальной ориентации. Он подчеркнул, что с коллегами по съемочной площадке его связывают исключительно рабочие отношения, что у него есть любимый человек и скоро состоится свадьба. Он попросил фанатов не сводить его с другими людьми. Что касается индустрии развлечений, то он не собирался туда возвращаться: участие в фильме было лишь случайностью, и теперь он хотел вернуться к спокойной жизни. В конце заявления была прикреплена фотография: статный мужчина с суровым, холодным лицом обнимал Сюэ Цю со спины, глядя на него с нежностью и обожанием.

Опубликовав заявление, Ци Жуйцю не стал читать комментарии и вернулся к своей беззаботной жизни. Он не знал, какие споры вызвали его слова: тысячи фанатов были разбиты, некоторые недоброжелатели пытались поливать его грязью, но их голоса быстро утонули в море поддержки.

Зимой того же года Сюэ Шо и Ци Жуйцю поженились на Острове Полумесяца. Как и обещал когда-то, Сюэ Шо подарил Ци Жуйцю самую счастливую жизнь.

Чистая и светлая улыбка Ци Жуйцю навсегда запечатлелась в сердце Сюэ Шо, и стереть её было невозможно.

В списке десяти классических кинокадров, составленном потомками, фильм Госпожа Хуажуй занял сразу два места. Первое — сцена танца Госпожи Хуажуй, роскошная и чарующая, равных которой не было. Второе — сцена, где Госпожу Хуажуй пронзает стрела и она погибает. Красавица, подобная нефриту, с пронзенным сердцем и алыми от крови губами — словно редчайший цветок, сломленный неистовым ветром. Это было настолько пронзительно и трагично, что трогало до глубины души. Этот кадр был признан величайшей трагической сценой всех времен.

Фильм Госпожа Хуажуй собрал множество наград и стал классикой артхаусного кино, о которой с восторгом говорили даже спустя десятилетия. Псевдоним Сюэ Цю навсегда остался на страницах истории.

Он был подобен метеору, прочертившему небо: его появление было кратким, но ослепительным.

Пятьдесят лет пролетели как миг.

В предрассветных сумерках Лю Лянь устало открыл глаза. Он медленно поднял руку, и мягкий утренний свет просочился сквозь его исхудавшие пальцы. Перед глазами всё плыло.

Он знал, что его время вышло. Но сожалений не было — этого было достаточно. Еще пятьдесят лет назад, когда они поженились, осколок Главного бога в теле Сюэ Шо можно было извлечь. Система предлагала уйти сразу, но Лю Лянь отказался. Он настоял на том, чтобы дожидаться собственной смерти, желая отплатить Сюэ Шо за всю любовь, подаренную ему за эту жизнь.

Система сидела на подушке:

— Люлянь-эр, нам пора.

Лю Лянь закрыл глаза:

— Хорошо...

Он пошарил рукой под одеялом и нашел ладонь Сюэ Шо. Мужчина рядом давно постарел, его волосы стали совсем белыми.

— Спасибо тебе, — Лю Лянь мягко сжал его руку, с улыбкой закрыл глаза, и его последнее дыхание угасло.

В тот же миг, когда его сердце остановилось, из груди Сюэ Шо вырвался крошечный сгусток света. Внутри него сиял полупрозрачный осколок.

Система молниеносно бросилась к нему, схватила осколок, а затем своими короткими лапками потянула за руку Лю Ляня, извлекая его духовное тело из мертвого сосуда.

— Запуск резонанса энергии.

— Установка координат... 50%... 100%.

— Подготовка к пространственно-временному прыжку... Готово.

— Пошли, — Лю Лянь обнял систему и свернулся калачиком. После короткого энергетического всплеска он навсегда исчез из этого мира.

После смерти Ци Жуйцю Сюэ Шо последовал за ним. Согласно завещанию, их похоронили вместе.

Снова пошел мелкий дождь.

Могильная плита была усыпана белыми цветами, влажными от капель. Бледный и красивый юноша под зонтом нежно погладил фотографию на памятнике. Он был главой клана Сюэ в этом поколении и наследником крови обоих погребенных здесь людей.

— И правда, это вызывает лишь зависть, — усмехнулся он.

Почтив память предков, он в одиночестве спустился с горы.

— Скоро мы встретимся снова... — едва слышный шепот растворился в затяжном дожде. Юноша вытащил из-под одежды кулон: на тонкой платиновой пластине была выгравирована глубокая единица.

22. Записки о Сосуде (часть 1)

Все воспоминания и чувства рассыпались в прах в момент перемещения.

В голове у Лю Ляня стоял туман, прошлое стало далеким и неясным. Тепло и любовь прошлой жизни стерлись без следа.

Система свернулась клубочком у него на груди, по-видимому, перейдя в спящий режим. Она самостоятельно активировала защитный механизм, стерев память Лю Ляня. Так в новом мире можно было начать всё с чистого листа.

— Обратный отсчет до приземления... 3, 2, 1. Посадка прошла успешно.

Тело Лю Ляня стало легким, и после приступа головокружения он осознал, что находится в новом обличье.

Система медленно поползла по сторонам, оглядываясь.

Они лежали на бамбуковой кровати в маленькой хижине. Окно было подперто палкой, вдалеке мерцали редкие звезды.

Лю Лянь, держась за голову, медленно приподнялся. Одеяло, пахнувшее легким ароматом трав, соскользнуло с него. Он опустил взгляд и понял, что выглядит как подросток.

Когда он попытался встать с кровати, то почувствовал, что с телом что-то не так.

Задрав одежду, он увидел на животе слой за слоем намотанные бинты, сквозь которые проступали пятна крови. Плечи и бедра также были плотно перебинтованы, от них исходил горький запах лекарственных трав. Бинты были наложены очень аккуратно, сразу видно — мастерски.

Он попробовал пошевелить конечностями, но всё тело пронзила боль и слабость. Лю Лянь осторожно лег обратно и укрылся.

Вот же... не повезло. Едва прибыл, а уже такие тяжелые травмы, от которых даже мысли путались.

— Система? — тихо позвал он, но ответа не последовало.

Под одеялом зашевелился какой-то комок, и наконец показалась голова системы.

— Ты... — Лю Лянь с недоверием уставился на неё.

Система сидела на одеяле, выглядя очень смущенной. Она дрожащим голосом произнесла:

— Люлянь-эр... у меня... у меня теперь есть физическое тело!

И это была правда. Система превратилась из бесплотной высокоразмерной сущности в нечто осязаемое.

Она по-прежнему была дымчато-серой, размером с толстого кота. Лю Лянь протянул руку и потрогал её: на ощупь она была мягкой, как сахарная вата, только эта вата была живой.

Система мягко обхватила палец Лю Ляня своими короткими лапками:

— И-и, я эволюционировала.

Лю Лянь растянул губы в улыбке, не желая её расстраивать. Да, эволюционировала так, что её теперь хочется тискать.

— Сейчас мы в мире сянся, — система начала считывать данные, издавая тихое мурлыканье.

В этом мире сосуществуют магия и боевые искусства. Главный герой — никчемный слабак из низов, которого с детства презирали и унижали, в конце концов пробивается на вершину, становясь сильнейшим в мире, собирает вокруг себя гарем из красавцев и красавиц и обретает абсолютную власть.

Как и всегда, герой — человек жестокий, расчетливый и умеющий приспособливаться. Все, кто хоть раз обидел его или встал на пути к успеху, должны умереть.

Лю Лянь в этой жизни — пушечное мясо, которому не суждено дожить даже до десятой главы. Его персонаж — Ци Шуан, младший соученик главного героя Юнь Сижаня. Этот недалекий юный мажор умудрился стать последним учеником самого Мастера Цинфэна, первого человека в праведном пути. У него нет никаких талантов, он лишь умеет прятаться за спиной наставника и не может одолеть даже обычную нечисть.

Конец Ци Шуана печален: его череп раздавит в приступе ци-искажения собственный учитель, и его душа развеется.

— ... — Лю Лянь инстинктивно почувствовал, как занял лоб.

Его нынешние травмы — результат недавнего внутреннего турнира секты Сюаньцан, где его избил Юнь Сижань. Хотя правила запрещали калечить друг друга, мечи не имеют глаз, а Юнь Сижань всегда может сослаться на то, что рука случайно дрогнула.

Лю Лянь прижал руку к животу. Система просканировала его и обнаружила сквозную рану. Если бы не целебные травы, он бы уже отправился на тот свет.

— Еда есть? — губы Лю Ляня побелели.

Система перерыла всё вокруг и нашла только коробочку с пилюлями воздержания от зерна. Практикующие в этом мире обычно не едят, но Ци Шуан был слишком слаб и нуждался в пище.

Лю Лянь прикинул время: скоро главный герой придет навестить «младшего брата». Он лег и притворился спящим, спрятав систему под одеяло.

Юнь Сижань, неся корзинку с едой, постучал пальцами по бамбуковой двери:

— Младший брат, ты внутри?

Из-за двери послышался слабый голос:

— Старший брат, входи...

Красивый мужчина, чья внешность была подобна божеству, в белых одеждах уверенным шагом вошел внутрь.

Увидев лежащего на кровати юношу, который был бледен и не поднимал глаз, Юнь Сижань лишь презрительно хмыкнул. Он открыл корзинку, и аромат горячей еды наполнил комнату.

— Младший брат, прошу прощения. Не вини меня, — сказал Юнь Сижань.

Ци Шуан ел маленькими кусочками, ведя себя послушнее, чем обычно. Он покачал головой и тихо прошептал:

— Старшему брату не о чем беспокоиться, мне уже гораздо лучше.

Юнь Сижань, видя такую покладистость, не нашел повода для придирок. Он всегда презирал этого никчемного слабака. С какой стати этот бездельник смог стать учеником Мастера, не приложив ни малейших усилий?

У Мастера Цинфэна было всего два ученика: Юнь Сижань и Ци Шуан.

Юнь Сижань пробился к учителю благодаря собственному таланту, а Ци Шуан — просто благодаря невероятному везению. Если бы не просьба его родителей, Мастер вряд ли бы вообще на него взглянул.

Как человек, чье тело совершенно не приспособлено к совершенствованию, может сравниться с ним, обладателем Девятиоборотных духовных меридианов?

Лишь благодаря доброте Мастера Ци Шуан до сих пор не стал обедом для монстров.

Больше всего Юнь Сижаня раздражало то, что, имея такого наставника, Ци Шуан вел себя как кусок грязи: не практиковался, не учился, а только и делал, что развлекался.

То, чем Юнь Сижань дорожил больше всего — статус и сила — для Ци Шуана было мусором.

Юнь Сижань мечтал придушить его. В этот раз, воспользовавшись отсутствием Мастера, он специально спровоцировал конфликт и ранил Ци Шуана на турнире, уложив его в постель на несколько дней. Видеть, как этот никчемный слабак страдает, было для него истинным удовольствием.

Но после травмы Ци Шуан стал вести себя гораздо тише и даже не смел громко разговаривать со старшим братом. Юнь Сижань был уверен, что тот не посмеет пожаловаться Мастеру, и стал еще наглее.

Под предлогом «разминки суставов» он с хрустом выкручивал Ци Шуану руки и ноги. Тот едва не плакал от боли. Глядя на его бледное лицо и дрожащие губы, Юнь Сижань вдруг ощутил странное, извращенное удовольствие.

Ци Шуану было всего семнадцать. Он вырос в богатстве, был избалован, с нежной кожей, а его круглые глаза в обрамлении черных ресниц всегда светились озорством. Когда ему было больно, эти глаза наполнялись влагой, становясь еще более жалкими.

Раньше Юнь Сижань считал его бесполезным мажором, который только и делает, что гоняет котов по горе, тратя ресурсы секты.

Но сегодня его мнение изменилось. Во-первых, Ци Шуан вел себя гораздо тише, а во-вторых, он вдруг понял, что этот бесполезный младший брат по-своему мил.

Слушать его тихие стоны боли было для Юнь Сижаня даже приятно — в этом было что-то от радости травли слабого.

Он уже собирался продолжить пытку, как за окном послышался шум крыльев. Небольшая синеватая птица с длинным хвостом опустилась на подоконник, держа в клюве маленький бамбуковый свиток.

Юнь Сижань нахмурился и развернул его. Там действительно был почерк Мастера, приказывающий ему немедленно привести младшего брата.

Мастер вернулся так быстро... Юнь Сижань был поражен. Он думал, что эта поездка обернется тяжелой битвой.

Полгода назад известный злодей Старый Предок Кровавая Рука вызвал Мастера Цинфэна на бой, угрожая превратить его в Сосуд для совершенствования и мучить днями и ночами, чтобы этот холодный, как лед, мастер праведного пути пал и стал распутной игрушкой.

Услышав такие угрозы, праведники лишь гневно кричали о наглости демона, но никто не осмелился заступиться за Мастера — боялись, что сами станут сухими трупами.

Мастер Цинфэн лишь равнодушно молчал, а потом одним взмахом меча отрубил голову Кровавой Руке, словно просто разрезал арбуз.

Один из десяти сильнейших злодеев мира не продержался против него и удара.

Это заставило многих мерзавцев притихнуть, и больше никто не смел посягать на божественную красоту Мастера.

Неизвестно почему, но после убийства Кровавой Руки он не вернулся сразу, а задержался еще на десять дней.

И вот, вернувшись, он первым делом хотел видеть не главу секты, а учеников. Это стало его привычкой: все знали, что Мастер души не чает в своих учениках, особенно в Ци Шуане. Из-за юного возраста тот получал еще больше внимания.

Юнь Сижань с сожалением отпустил Ци Шуана, вправил ему суставы и, подхватив на руки, направился к выходу:

— Идем, увидишься с Мастером.

Ци Шуан закрыл глаза. При упоминании Мастера его тело инстинктивно напряглось, а в глубине души возник необъяснимый протест. Он выдавил:

— Спасибо, старший брат... я могу сам.

Юнь Сижань усмехнулся:

— Ты же ранен, не строй из себя героя.

Он не обратил внимания на сопротивление и усадил его на спину огромного белого журавля. Журавль издал пронзительный крик, взмахнул крыльями и рванул в небо, направляясь к Павильону Скрытого Феникса, где жил Мастер Цинфэн.

Всю дорогу Ци Шуан в оцепенении прижимался к груди Юнь Сижаня, а тот лишь думал, что младшему просто больно, и не придавал этому значения.

Среди туманных облаков, на вершине красивой горы, виднелась изящная беседка. Там стоял человек, сложив руки за спиной. Его белоснежные волосы спускались до пояса, а поза выглядела одинокой и печальной.

Юнь Сижань, желая покрасоваться, не дожидаясь посадки, прыгнул со спины журавля, держа Ци Шуана на руках, и легко приземлился.

— А-а! — испуганно вскрикнул Ци Шуан.

Мужчина в беседке тут же обернулся.

Юнь Сижань вдруг почувствовал, как на него упал острый, словно игла, взгляд, но когда он попытался его уловить, тот исчез, словно показалось.

— Приветствую Мастера.

В голове у Ци Шуана на миг стало пусто.

Этот беловолосый мужчина первым делом напомнил ему небожителя, спустившегося с вечно заснеженных вершин: холодный, загадочный, недостижимый.

Мастер слегка нахмурил свои длинные брови:

— Что за неподобающее поведение?

Юнь Сижань тут же опустил Ци Шуана, и тот, пошатнувшись, едва не упал. Рядом промелькнула белая тень, и сильная рука уверенно подхватила его:

— Стоило оставить тебя на день, как ты уже ранен? — в голосе звучал гнев.

Ци Шуан поморщился:

— Просто неосторожность на турнире, не стоит раздувать из этого проблему.

Он отступил назад, прислонившись к узловатой сосне, и тяжело задышал. К этому человеку он испытывал почти инстинктивный страх.

Мастер Цинфэн был недоволен, но, сдерживая гнев, притянул Ци Шуана к себе:

— Дай-ка я посмотрю.

— Не надо! — Ци Шуан с силой дернул рукав.

Его явное сопротивление еще больше разозлило Мастера. Лицо того помрачнело, и он силой прижал юношу к себе, чтобы осмотреть рану.

Юнь Сижань, стоявший в стороне, был ошеломлен: почему младший брат так сопротивляется Мастеру? Еще невероятнее было выражение его лица — это был настоящий страх.

— А ты иди, упражняйся в Девяти мечях возвращения феникса, а я осмотрю Шуан-эра, — бросил Мастер и, подхватив Ци Шуана, взлетел на мече, мгновенно исчезнув среди зеленых гор, оставив Юнь Сижаня в растерянности.

Ци Шуан хотел крикнуть «Старший брат, спаси меня!», но слова застряли в горле. В ушах

прозвучал холодный голос:

— С каких это пор ты стал таким смелым, что осмеливаешься перечить учителю?

23. Записки о Сосуде (часть 2)

Лететь по небу на руках у кого-то, когда мимо проносится холодный ветер, было не лучшим ощущением. Лю Лянь закрыл глаза, не смея смотреть вниз, и застыл, словно каменное изваяние.

На самом деле он очень боялся высоты: от одного взгляда вниз начинала кружиться голова.

Сейчас он был в полной растерянности. Система предупреждала, что пушечное мясо-ученик будет убит учителем, но она не говорила, что там есть какая-то дополнительная предыстория!

Судя по всему, между учеником и учителем были какие-то счеты.

При контакте с Мастером внутри него просыпалось инстинктивное отторжение, он всей душой не хотел приближаться к этому человеку. Лю Лянь почувствовал неладное и связался с системой.

Система, спрятавшаяся в складках его одежды, стала совсем крошечной.

Она долго искала, а потом сообщила:

— Ой, в сценарии нет никакой информации об отношениях Ци Шуана и Мастера Цинфэна.

— Кроме того, что его убьют, в сюжете только сказано, что Ци Шуан лентяй и обжора, а Мастер Цинфэн вообще не обращает на него внимания и ничему не учит.

Лю Лянь:

— ...

Для посредственного ученика пренебрежение учителя вполне объяснимо — в конце концов, каждый учитель больше любит талантливых учеников, и то, что Мастер Цинфэн ценит главного героя, закономерно. Но вот эта обеспокоенность Мастера выглядит крайне подозрительно.

Может, этот слабак обладает какой-то скрытой ценностью?

— Мне кажется, за этим стоит какая-то грязная сделка, — предположила система.

Лю Лянь отрезал:

— Не может быть. Это слишком ненормально. Насколько же надо быть извращенцем, чтобы «пожирать» собственного ученика?

Конец Мастера Цинфэна тоже был предreshен — он стал ступенькой для главного героя: после того как он впал в ци-искажение, герой убил его и выпил всю его культивацию. Убив учителя, герой значительно увеличил свою силу и репутацию, а затем, пользуясь «золотым пальцем», взошел на вершину и собрал гарем.

А что касается младшего соученика — на его могиле уже давно выросла трава.

— Ну, раз нет четкого сценария и заданных черт характера, значит, буду импровизировать, — сказал Лю Лянь.

Плюс импровизации в том, что можно расслабиться и не бояться «сломать» образ. Но есть важный нюанс: судя по реакции тела, отношения между пушечным мясом и учителем были плохими, так что нельзя менять поведение слишком резко.

Система не возражала.

Её беспокоило другое: теперь, когда она обрела физическое тело, её сенсорные способности значительно ослабли. Она до сих пор не нашла осколок Главного бога и не могла понять, есть ли система у главного героя.

Если у него нет системы, то осколок может быть у главной героини или у злодея. Ведь систему могут иметь не только герои, но и злодеи — например, «Система тирана» или «Система предателя», которые привязываются к злодеям.

Лю Лянь совсем не паниковал. Импровизация — это лучшее, что может быть. В этом мире полно опасностей, уровень сложности — первый, и если он не сможет защитить себя сам, то всегда можно чужими руками устранить врагов.

Мастер Цинфэн летел на мече сквозь облака и медленно опустился в тихом, уединенном дворе.

— Проснись, — как можно мягче потряс он Ци Шуана.

Ци Шуан протер глаза, и первым делом, что он сделал, — оттолкнул его.

Он сделал несколько шагов назад, поморщился от боли и плюхнулся на каменный табурет.

Мастер Цинфэн, разозленный таким отношением, помрачнел:

— Ты что, избегаешь меня?

<http://bllate.org/book/21647/2233950>